

ценность, чем для представителей данного народа. Утрата родного языка как этнического маркера провоцирует культурную интеграцию в рамках этой самой новой общности «малочисленных народов Севера», создание некоей единой «северной» культуры со своим декоративным искусством, хореографией, музыкой и вокалом, с образцами фольклора на русском языке. Эта культура оказывается жизнеспособной на отдельных северных территориях, она становится одной из форм региональной культуры – но это уже не этническая культура аборигенов Севера. В полиэтнических регионах, к каким относится Республика Саха (Якутия), представители малочисленных народов оказываются перед сложным выбором – постепенно утрачивать всякие формы идентичности, сохранять идентичность на уровне «малочисленных народов Севера», или же сохранять ближайшую доминантную идентичность посредством того, чтобы примкнуть к титульному народу, который имеет гораздо большую степень этнокультурной резистентности, нежели малочисленные народы Севера – но в дальнейшем это означает, что представители малочисленных народов просто растворятся в титульном народе, и еще неизвестно, какие последствия будет иметь этот процесс для этнодемографической ситуации на данной территории. В принципе ни то, ни другое не дает того результата, который объявляется целью действий – не дает сохранения полноценной этнической идентичности. Видимо, угроза этнической и культурной самобытности малочисленных народов Севера РФ заключена не в глобализме, а в тех не вполне корректных представлениях об этнической идентичности, о ценности родного языка и культуры, которые достались нам в наследство от предшествующих десятилетий. Пока же антиглобалистская борьба за «выживание» имеет такие последствия, которые для народов оказываются хуже, чем глобалистские установки.

А.В. Рыбчак (Санкт-Петербург)

К проблеме формирования

постиндустриальной социологической методологии

Очевидно, что центральным для данного дискурса является вопрос о принципиальной возможности и способах социологического или постсоциологического исследования глобальной социальной реальности: применима ли к ней классическая марксовско-веберовская

общественнонаучная исследовательская стратегия, и если нет, то, чем сегодня возможно её заменить?

Разумеется, что социология и социальная методология также подчинены парадигмальным изменениям, как и другие области человеческого знания. Говоря о них, стоит вспомнить, что индустриальная социология пользовалась марксистской методологией, а социология развитого индустриализма – веберовской. Для адекватного социологического анализа постиндустриального общества не подходит ни та, ни другая – об этом писал ещё Тоффлер – а собственной социальной методологии оно ещё не сформировало по причине своей исторической молодости. В этом смысле, взгляд на «грядущее постиндустриальное общество» с точки зрения социальной методологии Вебера – единственно возможный сегодня. Более того, соглашаясь с концепцией Куна, следует признать, что как последняя парадигмальная стратегия в своей области, именно она важна для формирования новой социальной методологии.

Ситуацию в современной социологической методологии можно представить в виде двух противоположных точек зрения: к первой принадлежат философы, которые надеются на возрождение – хоть и в условиях глобализации – проекта модерна в том или ином виде (например, бековская теория второго, или другого, модерна). Прежде всего, к ним принадлежат Бек и Хабермас, считающие постмодерн не отдельной равнозначной эпохой, новой парадигмой или особой формацией, а исторической ошибкой, культурной патологией или – в крайнем случае – временным явлением. В том, что касается социологической методологии, представители этого лагеря считают возможным продолжать эксплуатировать несколько доработанную, но всё же старую модель-парадигму, предложенную ещё Вебером. Ко второй – противоположной – точке зрения, с которой я считаю необходимым согласиться, примыкают Белл, Тоффлер и Маркузе. Представители этого лагеря считают своей целью преодоление модерна и, соответственно, индустриализма во всех его формах как несовершенной и устаревшей конструкции. Отсюда вырастает необходимость выявления новой парадигмы в социологии, которая бы задавала методологию исследования глобальной социальной действительности. Проблема заключается в том, что, при всей своей необходимости, новая социологическая парадигма ещё не сформирована – говоря куновским языком, здесь социология ещё не вступила в фазу «нормальной науки»: однако этот вопрос является прерогативой самой социологии. Свою

задачу я вижу в рассмотрении и анализе самой сложившейся ситуации, которые могут помочь для разрешения вышеуказанных трудностей современности. При этом очевидна необходимость рассмотрения веберовской методологии социального исследования в условиях перехода к новой, глобальной социальной действительности. Как уже и было сказано выше, я вижу два параметра этой необходимости: во-первых, важно указание на сам факт пребывания старой модели в новых условиях, а, во-вторых, интересен процесс трансформации данной модели. Что же касается характеристик самой постмодернистской социологии, то, скорее всего, она не будет социологией в строгом смысле этого слова, подобно тому, как современная постиндустриальная политика является субполитикой (как это показал Бек, не признавая, впрочем, что речь идет, строго говоря, о политике постмодерна). Связано это с той же причиной – с принципиально иной стратегией и законами новой парадигмы. С этой позицией совпадает точка зрения Бека, утверждавшего, что социология – это наука исключительно национального государства, а, следовательно, что такие классики общественных наук как Маркс, Вебер и Дюркгейм сегодня совершенно неприменимы хотя бы только потому, что они придерживались исключительно территориального определения современного общества (то есть национально-государственной модели), уничтоженного глобализацией. Сегодня совершенно невозможно отождествлять государство и общество, вследствие чего уже сегодня наука социология приобрела новое значение: теперь она должна вести исследование человеческого падения в состояние глобализации и его пребывание в нём.

Однако Бек не только констатирует факт существования данной ситуации в современных общественных науках, но также предлагает собственную футурологию постнациональных общественных образований и соответствующие приёмы их исследования. Он исходит из того, что формулой ближайшего будущего станет «мировое общество без мирового государства». Эта формула будет исходной точкой возникновения новых, не демократических, организаций; а новое транснациональное пространство создаст условия для принципиально иного морального и субполитического поведения. При этом, всё же, культура подвергнется-таки унификации под воздействием глобализационных процессов – в этом Бек расходится с представителями так называемой англосаксонской школы (Дж. Фридман, Р. Робертсон, А. Аппадурай, З. Бауман), разработавшими понятия глокализации,

инклюзивного и эксклюзивного способов различения, и полагавшими, что глобализация не способствует унификации культуры, а глокализация только концентрирует свободу действий. Но Бек обеспокоен не только грядущей культурной «макдонализацией», но также унифицированностью всемирной идеологии и морали: и, опять же, данные тенденции будут создавать и направлять воинствующий западный империализм, олицетворённый США. Иными словами, в глобальном обществе новой его концепции будет соответствовать новая стратегия поведения человека, которая будет проявляться в таких социальных поступках как транснациональная коммуникация и критика, практика покупательского бойкота и тому подобное. Так должны будут сформироваться новые рычаги воздействия на транснациональные акторы и корпорации. Для актуального и адекватного социального анализа глобального общества Бек формулирует некоторые основные принципы плюралистической социологии глобализации – той самой постиндустриальной социологической методологии, которая так необходима для рассмотрения транснациональных общественных образований. В соответствии с выводами этой плюралистической социологии глобализации современное социальное бытие человека измеряется его покупательской способностью, бытие становится дизайном. Также, исходя из неё, можно сделать вывод, что глобализация происходит не из естественного хода истории, а насаждается белой Америкой, Уолл-Стритом при помощи информационных технологий и логики экономической активности. По мнению немецкого автора, именно США являются эпицентром распространения по всей планете мира рекламы, менеджмента глобальной индустрии культуры, унифицированных потребительских привычек и стиля жизни. Стоит отметить, что таким образом Бек, вслед за Беллом и Тоффлером, выразил здесь – только в негативной форме – ту мысль, что на сегодня только США могут считаться постиндустриальным регионом. В процессе глобализации – прогнозирует Бек – конфликты сменяются дисфликтами: ведь основная тема конфликта в новом обществе – это его раскол на платёжеспособное меньшинство и большинство, утратившее покупательскую способность. Хочу отметить, что эту его мысль следует считать в своей сущности аналогичной тезису Белла о том, что ближайшие мировые конфликты будут происходить между, с одной стороны, странами постиндустриальной формации и, с другой стороны, группой стран, принадлежащим к индустриальной и доиндустриальной формациям.

Основной стратегической особенностью новой социальной парадигмы Бек считает взаимную связь процессов глобализации и локализации (усиления роли локального): диалектика глобализации предполагает как делокализацию, так и релокализацию. Это социально-экономическое стратегию Бек назвал «глобальной локализацией». Вот почему полнейшая мировая культурная унифицированность на почве экономической глобализации пока невозможна – она означала бы конец рынка и прибылей. Однако, в новых условиях совершенно иначе проявляется значение локального: теперь локальное не противостоит остальному миру, а ведёт активный диалог в глобальном контексте, транснациональный обмен. Иными словами, благодаря глобальному размещению и обновлению локальных особенностей, происходит ренессанс локального без опоры на традицию, интенсификация транснациональных взаимосвязей. В любом случае мир сегодня предстаёт перед нами как целостная величина. Для более точного обозначения двуединых глобально-локальных процессов в современном и наступающем обществе Бек употребляет термин, введённый Роландом Робертсоном – «глокализация». Глокализацию следует рассматривать не статически, а как случайный и диалектический процесс. Ярчайшим, по его мнению, примером глобальной диалектики, глокализации, является исламский фундаментализм.

Важнейшим инструментом изучения глобализации является инклюзивный способ рассмотрения в социологии. Существует, по Беку, два способа различения (две парадигмы в современной социологии) – эксклюзивный и инклюзивный. Принцип эксклюзивного различения – «или или»: он не допускает многообразия, исключений. Прямо противоположным является инклюзивный принцип различения «не только, но и», приветствующий любое многообразие и нестандартность. Разумеется, что для рассмотрения ситуации перехода к мировому обществу больше подходит инклюзивный метод: только в его рамках глобальность может поддаться социологическому изучению, эксклюзивная схема унификации сегодня уже не эффективна. Классическим видом инклюзивного различения Бек считает понятие транслокальных культур как неинтегрированного и неотграниченного многообразия без единства: только посредством таких понятий культура может овладеть пониманием глобального в локальном месторасположении. Уже сегодня глокализация породила следующую динамику: глобализация – регионализм – субрегионализм. Бек видит лекарство от любого рода глобализационной унификации в радикаль-

ной индивидуализации идеалов в духе философии Ницше, принципы которого и хотел бы видеть в основе морали будущего общества. Здесь важно обратить внимание на одну проблему: о том же ли самом говорит Тоффлер в «Футурошоке», довольно верно подметив, что уже сегодня постиндустриальное (то есть американское) общество довольно сильно дифференцировано (эстетически, мировоззренчески, политически, профессионально, досугово и так далее), и что тенденция эта в ближайшее время будет только усиливаться? Очевидно, что они ведут речь о разных вещах: Тоффлер говорит о дифференциации (свободе), предопределённой рамками нового (глобального) общества; Бек же говорит о невозможности подлинного выбора, которого индивид лишится в грядущем миропорядке.

Таким образом, само понятие «постиндустриальная социология» носит проблемный характер. В параграфе продемонстрированы основные противоречия этого понятия и различные подходы в отношении к нему. Однако, каким бы образом не развернулась эволюция, данной проблематики, она неизбежно вынуждена будет обратиться к представленным здесь разработкам в области унификации понятийно-методологических основ анализа проблем постиндустриальности, парадигмальности и технократизма.